

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Методология истории и схема генезиса революции в России по М.Я. Гефтеру (комментарии к его работам «Третьего тысячелетия не будет» и «Сталин умер вчера») // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.73356 EDN: HEQUSX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73356

Методология истории и схема генезиса революции в России по М.Я. Гефтеру (комментарии к его работам «Третьего тысячелетия не будет» и «Сталин умер вчера»)

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт философии Российской академии наук"

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.73356

EDN:

HEQUSX

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2025

Дата публикации:

13-05-2025

Аннотация: В статье предложены комментарии к двум работам Михаила Гефтера «Третьего тысячелетия не будет» и «Сталин умер вчера». Отмечается определенное совпадение взглядов автора и М. Я. Гефтера, касающиеся понимания истории и методологии истории. Обсуждаются несколько проблем, возникших при чтении указанных работ: понимание М. Гефтером истории как нескольких локальных историй с началами и завершениями, разные подходы к реконструкции личностей Ленина и Сталина, предложенное Гефтером объяснение логики русской революции. Намечается методология решения поставленных проблем, предполагающая анализ двух объектов:

первый, Гефтер, изучающий историю России и ее героев (Ленина, Сталина и др.), и второй объект, автор данной статьи, анализирующий и осмысляющий работы Гефтера. Со Сталиным Гефтеру все ясно, прожитая жизнь вождя во всех его деяниях известна, к нему невозможно применить никаких определений, кроме негативных. Иное отношение Гефтера к Марксу и Ленину: он пытается организовать беседу с этими историческими субъектами. С точки зрения Гефтера, Ленин был близок к тому, чтобы признать, что мировой революции вообще не будет, она в той форме, которую ожидали, состояться не может. Автор высказывает предположение, что реконструкция Гефтера открывает перспективу разрешения тупика развития России: не революция, а эволюция, не унитарное государство, а федерация, продуманная и обеспеченная новым социальным порядком и законом. Последняя часть статьи – краткое историческое самоопределение автора. Он, используя материал личной истории и анализ жизни Эмануэля Сведенборга, намечает свое понимание истории и методологии истории, отмечая совпадения с взглядами Гефтера.

Ключевые слова:

история, время, прошлое, будущее, реконструкция, факты, мышление, методология, вожди, государство

Введение

Только недавно прочел эти работы и был сильно впечатлен: не встречал ничего более значительного и интересного, касающегося исторического и философского осмысления революции в России (ее предпосылок, 17-го года и последующих событий), да и представления Михаила Гефтера о методологии истории выглядят очень современно. Захотелось посмотреть критику и комментарии к работам Гефтера. К удивлению почти ничего, за исключением нескольких статей С.С. Неретиной и еще двух-трех работ. И это при том что, на мой взгляд, взгляды автора «Третьего тысячелетия не будет» не просто современны (он ушел от нас в 1995 году, т.е. прошло 30 лет), но в определенной степени представляют собой вызов российским историкам, а его соображения по методологии истории и схеме революции в России относятся не только к истории, но и современной философии и социальной психологии и в силу оригинальности нуждаются в осмыслении.

Поразило меня еще одно обстоятельство. Хотя я познакомился с исследованиями Гефтера буквально в последние месяцы, а до этого только слышал, что есть такой интересный историк и философ, тем не менее, получалось, что некоторые поставленные им задачи (например, объяснение роли открытия смерти в происхождении человека, культурологическая трактовка истории, анализ значения личности, диалектика исторической закономерности и сингулярности), были также и моими задачами, которые я последовательно решал в течение многих лет. Как будто я принял от Михаила Гефтера эстафету. Начну с проблем, возникших у меня при чтении указанных в заголовке двух работ. При этом буду много цитировать Гефтера, поскольку, во-первых, не хочу приписывать ему свои мысли, во-вторых, пусть сами читатели судят, правильно ли я Гефтера понимаю. В данном случае цитаты не столько подтверждение, сколько метод осмысления.

Проблематизация

Гефтер не просто рассказывает о личностях Ленина и Сталина, но предлагает

реконструкцию эволюцию этих личностей, включающую также размышления, касающиеся характера их поступков и решений. Бросается в глаза некоторая несоразмерность: эти реконструкции выходят далеко за пределы исторического интереса, здесь налицо психологические и философские нарративы, размышления и обобщения. Выглядит это таким образом, как если бы речь шла не просто о роли личности в истории, а о самой логике истории; история начинает подчиняться поискам решений и поступкам этих субъектов, обладавших огромной властью. Возникают два вопроса: не излишни ли подобные реконструкции для понимания истории, не оказывается ли Гефтер на чужой ментальной территории (психологии и философии), а также, как в таком случае нужно мыслить историю: как историю властных личностей или все же последние востребованы только в той мере, в которой для них сложились объективные (интерсубъективные) условия. Тогда поступки этих личностей всего лишь действия иных, деиндивидуальных (внеличностных) образований и процессов (экономических, социальных, культурных и др.).

«Последней акцией моего сектора, – вспоминает М. Гефтер, – стал сборник о Ленине, рассыпанный в верстке. В нем – моя статья, послужившая окончательным поводом к отлучению от советской науки. Эпиграф из Пастернака сочли по меньшей мере неуместным. «Он управлял течением мыслей, и только потому – страной». Сказали, что так писать о Ленине бестактно, а статья, хоть и осталась ими непонятой, была сочтена ревизионизмом. Один важный на Старой площади человек, который мне до этого покровительствовал, Анатолий Черняев, сказал: “Михаил Яковлевич! Это уже не новое прочтение марксизма – это ваше!” И после этого на годы забыл мой адрес и телефон» [\[3\]](#).

Дополнительный вопрос к теме о реконструкции личностей Ленина и Сталина. Они различны в ценностном отношении: к первому Гефтер относится явно сочувственно, видя в его поисках положительные замыслы и реалистические решения (признание многоукладности российской культуры, введение НЭПа, утверждение отдельного для России и отличного от общего мирового плана пути революции), а ко второму его отношение, хотя и объективное, но достаточно негативное. Ленин, пишет Гефтер, «готов был менять свой взгляд и не раз делал это. Но довести пересмотр до конца означало повторить то, что *почти успел* сделать предсмертный Маркс, — *пересмотреть основания*. На такую ревизию Ленин пойти не мог, хотя шел к ней. Но в особенности не мог другого: он не смел принести главной жертвы. Его новый взгляд на Мир – на этого многоукладного субъекта, с равноправностью его ипостасей, означал, что теперь надо было *принести в жертву Партию*. Такого он сделать не мог <...> Ленин — убийца поневоле, а для Сталина убийство станет гигантским жизненным смыслом. И он наполнил этим смыслом нашу жизнь. Исподволь, незаметно нас, совращая *убийством как смыслом*. Ленин подошел ближе к тому, от чего был поначалу далек, – что пора *освободить людей от революции*. <...> ... важный психологический подтекст Сталина: нет уж, голубчики, – резвитесь, но конечный результат не должен принадлежать никому, кроме меня одного. Все обязано уместиться в мой результат, если не уместилось — невместившееся должно *прекратить быть*» [\[3\]](#).

Правилен ли подобный подход с разными отношениями к героям истории? И вообще понимание истории Гефтером очень необычное. История не бесконечное историческое полотно, не имеющее ни начала, ни конца во времени, а локальные истории, с началом и концом (а что, спрашивается, до самих этих историй и после?). История законосообразна (детерминирована) и случайна. Ее порождают, и она порождает порождающего. Персоны типа Ленина и Сталина сами образуют историю (становятся

историческими «обстоятельствами»). История не столько исторические факты и события, сколько генезис истории, а, следовательно, историй одного и того же исторического процесса может быть несколько. История, если она история, требует осмысления, и вовсе не как объект исторического интереса, а как необходимое условие современности, исправления исторических путей развития.

«С этой точки зрения, – пишет Гефтер, – история возникает единожды. Она однократна. Тогда можно представить, отчего она иссякает в настоящее время. Ведь то, что представлялось высшим для человека – мышление осознания, принужденное к растворению в повседневности, – неизбежно приобрело зловещие свойства. <...>

Значные места предопределенности и роль случаев, которые заводят машину истории, распаляя детерминационную похоть. Отсюда родом все суперперсоны политиков XX века. <...>

Историческое начинается там, где вещи, доселе не совместные, оказываются совмещены! Таинственная вещь, но если этого не понять, не заниматься историей. В момент, когда несовместимое станет совмещено, является харизматический лидер. <...> в ЦК готовятся к заседанию 2-го съезда Советов... в последний момент появился Ленин, и вопрос о докладчике отпал: о земле вправе выступить только он, это ясно всем. Ленин идет к трибуне – он совершенно не готов! Тогда он просто достает из кармана эсеровский наказ о земле, добавив к нему пару вступительных фраз, его зачитывает – и все! Игра сыграна. Программой большевиков стал наказ мужиков-эсеров – а в Советской России появился мужицкий царь» <...>

Человек, который извлек из кармана чужой наказ и объявил его всей России как программу советской власти...Действуя индетерминистски, человек формирует ультрадетерминистские реальности. Детерминизм — это детище человека. Он его выдумывает, его лепит, его изобретает — и становится пленником того, что сотворил <...>

Дело в том, что Ленин сам обстоятельство. Громадное, сильное и очень стойкое обстоятельство русской истории. Творя обстоятельства, он сам стал обстоятельством, которое надо объяснить. Вот загадка Ленина. <...>

Человек в огромной степени запрограммирован обстоятельствами, начиная с рождения, воспитанием, унаследованным опытом – с этой точки зрения он почти целиком задан! Но есть в нем щель незаданности. Человек не примиряется, пытаясь раздвинуть эту щель до освобождения от заданности, — это невозможно, это никому не удалось. Но на этой почве выросли утописты, пророки, революционеры, вожди, харизматики. <...>

Опровергнуть до полного исключения ее из человеческого существования! И если заданность – тягота, то история – освобождение, несущее в себе будущие тяготы и формирующее вторичную, от самой истории идущую заданность. Так что, когда мы сопротивляемся заданному, мы видим ее уже не в чистом виде, а в смеси, где трудно различить сорта и истоки заданного. <...>

История есть делаемая история. Потому что человек не только обнаруживает, что он в истории, он ее делает. То, что история делается, входит в ее определение». <...>

Придя к молчаливому Ленину, я увидел советский мир как русский. И теперь я могу ответить на вопрос, от которого никто из таких, как я, не уйдет, – вопрос о нашей причастности. О том, почему до сих пор мы не смеем ни преодолеть прошлое, ни понять

его, ни даже признать. В увиденном мной Ленине, в так открывшейся мне его личности, я нахожу силу и право дать ответ» [\[3\]](#).

Гефтер рисует следующую картину предпосылок русской революции. Маркс от всемирной и единой для всех народов истории приходит к идее многих развитий и возможных историй, отводя России в этом пространстве особое место. Ленин повторяет его ход мысли, приблизившись к пониманию фактической неготовности России к смене экономической формации и социального строя (об этом, кстати, писал Александр Богданов). Не в силах отказаться от первоначального замысла, Ленин с одной стороны, отводит НЭПу роль экономической предпосылки, настаивая на его временном характере, с другой – выходит на идею управления (корректировки) истории, чтобы последняя развивалась нужным для большевиков образом. Гефтер убежден, что эта идея корректировки истории и стала источником многих негативных последствий, в том числе концепции и практики тоталитаризма.

Здесь явно схема генезиса, очень интересная, но нуждающаяся в убедительной методологии и подтверждении историческими фактами. Вопрос, можно ли считать исторические исследования Гефтера удовлетворяющими этому требованию?

«Прежде для Маркса, – отмечает Гефтер, – развитие было одно, в единственном числе для всего человеческого земного шара, а теперь возможны развития, во множественном числе. Тогда встает новая проблема того, как это другое развитие, идущи своим ходом и взаимодействуя с классическим буржуазным развитием, создаст собственный вход в коммунистическую цивилизацию? Ведь на промежуточных ступенях между ними возможны тяжкие конфликты развитий — в форме войн, ожесточенных столкновений. Здесь в смутной, первоначальной еще форме, присутствует многое из последующего, что мы переживали на нашем веку. Тогда есть не только развитие, а еще и неразвитие, предразвитие, недоразвитие, отставание и т. п. <...>

У Ленина возникает совершенно новая идея развития. Решение аграрного вопроса создает в ней исходную предпосылку спонтанного естественно-исторического развития России. Эта спонтанность своим ходом не может пробить себе путь – спонтанность вводится. Как капитализм в России первично вводим абсолютизмом, так и свободное буржуазное развитие вводится сверху революцией – в лице революционной власти, которая выступит демиургом спонтанного развития, творцом естественно-исторической эволюции. <...>

В этом парадоксальном нововведении заключены все будущие коммунистические катастрофы – включая коллективизацию и эксперименты Мао. Когда власть, творимая революцией, выступает «демиургом спонтанности», то эта новация невольно может разойтись к своим полюсам. Одним из полюсов станет огромная утопия, питающая порыв миллионов крестьянских масс, а другим полюсом явится гипертрофия возникающей внутри революции власти. Которая из инструмента, предназначенного дать простор развитию, превращается в нечто иное. <...>

Возникает распорядитель развития, который почти изначально, утратив свойство спонтанности, приобретает совершенно другие свойства» [\[3\]](#).

Методология решения поставленных проблем

Это тот случай, когда применение готовых методов не является эффективным, требуется наметить методологию, которая годится для рассматриваемого материала и предмета. Такая методология должна ответить на следующие вопросы: с каким объектом, мы имеем

дело, и в какой дисциплине будем его рассматривать? Объектов два: первый, Гефтер, изучающий историю России и ее героев (Ленина, Сталина и др.), естественно, меня эта история тоже интересует, и второй объект, автор данной статьи, анализирующий и осмысляющий работы Гефтера. В некотором отношении я тоже принадлежу к цеху истории, поскольку во многих своих исследованиях реализовал методологию культурно-исторического подхода, кроме того, в 2018 году вышла написанная мною книга «Новая концепция истории: История как образ жизни личности, социальный дискурс и наука» [7]. Как методолога истории, а Гефтер, на мой взгляд, не только историк, но и методолог истории, меня интересует удивительное совпадение наших взглядов, ведь я Гефтера не знал, и прочел некоторые его работы только недавно.

Теперь о какой научной дисциплине должна идти речь? Прежде всего, о методологии: и методологии истории и шире вообще методологии, поскольку Гефтер в своих работах выходит на психологические и философские обобщения. Если следовать М. Бахтину, история является гуманитарной наукой, поскольку имеет дело с текстами, их истолкованиями (интерпретациями), рефлексивным знанием, взаимодействием двух акторов (познаваемым и познающим), индивидуальными феноменами. Чужие сознания, пишет Бахтин «нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тот час же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы <...>

Если понимать текст широко, – пишет Бахтин, – как всякий связанный знаковый комплекс, то искусствоведение имеет дело с текстами. Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах. В этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе) <...>

Науки о духе. Дух не может быть дан как вещь (прямой объект естественной науки), а только в знаковом выражении, реализации в текстах...Каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его... он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения...Возникает вопрос, может ли наука иметь дело с такими абсолютно неповторимыми индивидуальностями...не выходят ли они за рамки обобщающего научного познания. Конечно, может» [1, с. 116, 281, 283, 285, 287].

Если принимать эти различия и высказывания, то для обсуждения сформулированных выше проблем нужно реконструировать, во-первых, понимание Гефтером истории, во-вторых, сравнить это понимание с авторской концепцией истории, образно говоря, организовав по Бахтину «разговор двух духов».

Авторское истолкование некоторых аспектов творчества Гефтера

Творчество сложный процесс, несколько раз возвращающийся в своему началу, чтобы уточнить или переосмыслить его, и снова последовательно выстроить дискурс. Тем не менее, на мой взгляд, он содержит некоторый механизм – *акты познания и разрешения проблем*, который движет, детерминирует разворачивание процесса творчества. Кратко действие этого механизма можно представить в следующей структуре.

проблемные и познавательные ситуации	→	СХЕМЫ	→	новые действия (деятельность, поступки)

В тексте Гефтера нетрудно увидеть основные проблемы, которые склонили его выбрать профессию историка и понимать историю как способ решения этих проблем и самой жизни. По сути, их три-четыре: детский страх перед еврейскими погромами, осмысление советской истории (гражданской и отечественной войнами, унесшими миллионы, культом Сталина и лагерями, тупиками перестройки и реформ), попыткой понять слепую веру интеллигенции в социализм и вождей революции, наконец, страхом и переживаниями возможного конца света в эпоху холодной войны.

«Бабушка, – вспоминает Гефтер, – первой приобщила меня к истории. Любимым рассказом детства была ее история о еврейских погромах в Одессе. Каждый раз, когда я просил, ее рассказ повторялся, и я уже знал, что будет дальше. С замиранием сердца ждал момента, когда погромщики приближаются к дому – пьяные физиономии, страшные уличные сцены, вопли, судорожное ожидание и кульминационный момент — с двух сторон дома выходят знаменитые одесские самооборонщики! Их звали *айдды-самооборонщики*. Они в упор стреляют в погромную толпу, та рассеивается. История впервые вошла ко мне с этим рассказом» . <...>

Война для меня из-за тяжелых ранений в августе 1942-го оказалась недолгой. Мучительных воспоминаний немного, вот два штришка. Первый. 1941 год, мы уходим от немцев, те идут по пятам – деревня, высоко стоящий дом. Я, мой друг Валя Вайсман с каким-то майором выходим из окружения. Навсегда запомнил фразу майора. Он был кадровый военный и мне сказал: «Ты думаешь, это Гитлер на нас идет? На нас тридцать седьмой год идет!» А мне нечего было ему ответить. <...>

Холодная война <...> это два поколения людей, выросших в ее рамках, надышавшихся ее воздухом. Это не заблуждение, которое можно отслоить от остальной жизни, <...> это проекция человека как такового. Это человеческая жизнь, которая дышит кровью. <...>

Россия в нынешних границах – огромное пространство, какого история не знала. Тем не менее, это и сверхдержава, обладающая достаточным оружием жизнеуничтожения. Холодная война кончается, не закончившись. <...>

Здесь вдруг вырисовался основной вопрос нашей планеты. Кто обещал, что человек сможет выжить? Кто докажет с фактами в руках, что человек может выжить? <...>

Мы не хозяева всех будущих, спонтанных и адских вещей. С какого боку вырвется магия, не знаем, а если бы и знали, нам ее не остановить. <...>

В XX веке человек возвращается к тому соотношению с Вселенной, которое было сугубо безразлично его архаическому предку. Он заново ощутил себя смертным родовым существом. Это ощущение вводит его соотносительность с Вселенной в отношение к текущей истории. Человека озадачивает судьба Вселенной, в пределах которой он стал одинокой фигурой (ср. [\[8\]](#))... в XIX веке кому было дело, тысячу или миллиард лет просуществует Солнечная система? Нынешний человек неосознанно ввел поправку на смерть в отношение к сущему и к своему месту в мироздании» [\[3\]](#).

Уясняя логику истории, восстанавливая прошлое, Гефтер разрешает указанные проблемы. Со Сталиным ему почти все ясно, прожитая жизнь вождя во всех его деяниях известна, к нему невозможно применить никаких определений, кроме негативных: безграничная жажда власти, восточная хитрость, бесчеловечность, чудовищные и грандиозные замыслы, допустимость любых средств, включая убийство, миллионы безвинных жертв. Конечно, это тоже реконструкция, но, кажется, для нее есть все

основания: и факты, и логика революции, и подходящая личность.

Иное отношение Гефтера к Марксу и Ленину: здесь он пытается организовать беседу двух духов. «Как вышло, – спрашивает Гефтер, – что век, который, казалось, навсегда отменил рабскую заданность человеческого существования, загнал себя в ловушку коллективного самоубийства? Я хочу это понять. Ленин меня бы не понял, а я его таким образом надеюсь понять. Я должен бы вступить на путь двойной рефлексии, рассказывая о себе, вступившем с Лениным в отношения, которые сами по себе проделали эволюцию. Он человек, который занял кусок моей жизни и расположился в нем» [\[3\]](#).

В плане этой беседы я бы отметил две вещи. Во-первых, марксистский андеграунд налицо, и неважно, что он Гефтером переосмыслен: это часть тебя, твоего прошлого. Во-вторых, Гефтер как историк приходит к предположению, что Маркс искал выход, поняв, что его концепция единой всемирной (унитарной) истории не верна. «Вывод Маркса – капитализм пережил свой второй “XVI век” и теперь начался сызнова. Значит, капитализм обладает неизвестным коммунистической теории ресурсом – за счет чего? За счет пространства планеты... Марксу очень важно, что на подходе Россия. Но важны и трудности внутреннего движения “Капитала”, где предмет заявлен как унитарно-планетарный. А планетарный оказывается не унитарен! Получается, что и коммунизм может быть унитарно-планетарен, а может быть глобален по-другому? Капкан предмета. И с этим Маркс уходит» [\[3\]](#). Именно с этой развилки в 20-х годах, по мнению Гефтера, начинает Ленин, столкнувшись с трудностями построения социализма в России.

Ленин был близок к тому, чтоб понять – мировой революции вообще не будет. Та мировая революция, на которую он рассчитывал, идя к Октябрю, вокруг идеи которой собралось руководящее ядро интеллигентов, эмигрантов и подпольщиков, – мировая революция в той форме, которую ждали, состояться не может... Мировая революция не удалась – где же выход?.. что же – России в одиночку проламываться вперед? Чаадаевский вопрос постучался в дверь к Ленину. Ответ Ленина на него, сокращая до телеграммы, можно выразить словами – мировая революция в одной стране. Формулой, настолько противоречивой, что она не поддается ни развертыванию, ни осуществлению. <...>

Этот человек готов был менять свой взгляд и не раз делал это. Но довести пересмотр до конца означало повторить то, что *почти успел* сделать предсмертный Маркс, – *пересмотреть основания*. На такую ревизию Ленин пойти не мог, хотя шел к ней. Но в особенности не мог другого: он не смел принести главной жертвы. Его новый взгляд на Мир – на этого многоукладного субъекта, с равноправностью его ипостасей, означал, что теперь надо было *принести в жертву Партию*. Такого он сделать не мог» [\[3\]](#).

А Сталин мог и, подготовившись, уничтожил старую Партию.

Опять, вынужден согласиться: это реконструкция истории, причем для нее не так уж много подтверждающего материала. Можно понять Анатолия Черняева, сказавшего: «Михаил Яковлевич! Это уже не новое прочтение марксизма – это ваше!». Однако для меня эта реконструкция вполне убедительная, во всяком случае, она многое объясняет. В гипотетическом теоретическом плане (в логике генезиса истории) можно предположить, что Ленин все же не вышел на сценарий отказа от прежней стратегии, также как и на идею естественного, своего пути российской революции, направляемой вождем и партией. Даже если это предположение верно, у нас нет фактов и серьезных аргументов, чтобы считать, что такое не могло быть. Одновременно, реконструкция Гефтера открывает перспективу разрешения тупика развития России: не революция, а

эволюция, не унитарное государство, а продуманная и обеспеченная новым социальным порядком и законом федерация.

«Новое государство, – пишет Гефтер, – можно строить только в стратегическом отступлении. Оно должно политически отступить в жестко ограниченные, всем известные пределы. Урезав ряд функций, за счет суверенизации или республиканизации России, как угодно. Сильная государственная власть еще возможна, но она уже не “Москва, Кремль”. Не располагая ресурсами, чтобы у всех все отобрать, а затем распределять самой, она вынуждена будет вступить в политическую игру с землями и договориться про новые правила. <...>

Сейчас речь идет о большем. О том, что основная тяжесть забот о ведении текущих дел возлагается на сами территории. И процесс суверенизации этих земель, по истории, масштабу, характеру населения растущих в целые страны – *русские страны!* – этот процесс неустраим. По отношению к нему есть только двоякое решение. Либо сила запрета, и тогда превеликая кровь, либо настоящая реформа – доведенный до конституционного основания федеративный союз. Включающий и русские страны, как бы те ни звались: земли, края, республики и так далее. В качестве главы государства, но не главы исполнительной власти президент должен стать лидером союза стран, образующих Россию. Стражем новой Федерации» [\[3\]](#).

Правда, вопрос, удалось бы построить настоящую федерацию, учитывая картину, которую нарисовал Гефтер: традицию авторитетной власти русских царей, утопическое сознание разночинцев и революционеров, многовековую привычку российского населения к беспрекословию и подчинению, неправое сознание, начиная с верхних этажей власти? Мало вероятно. И еще одно соображение. В конце работы Гефтер выходит на предположение, что начинается смена Эона: «Человек-добытчик использовал ресурсы Земли, заданные планетарной и космогонической эволюцией. Из обреченного он стал существом, использующим все, что есть на Земле. Теперь его главным ресурсом станут ресурсы, заключенные в самом человеке. Он переходит в этот модус вынужденно – отступая из эпохи истории, где наметилось уничтожение его вида и высших форм жизни на Земле... выросла опасность конца вида Номо вследствие нивелировки его высшими, “умными” технологиями прогресса. То есть вид *Homo sapiens* должен будет как-то спасать себя от успехов собственной деятельности, искать новую основу и фундамент для разнообразящейся динамики человеческого... Значит, с человеком опять что-то случится. Может, не в последний раз, а может, на этот раз *Homo sapiens*’у уже не удастся выскользнуть.» [\[3\]](#). Трудно сказать, что при такой смене будет происходить с Россией, не смое, не перекроит ли этот процесс все прежние цели и задачи.

Историческое самоопределение автора

Выше указаны две задачи: понимание Гефтером истории и сравнение этого понимания с авторской концепцией истории. Начну с того, что и для меня еврейские погромы, история России и страх перед концом света были актуальными проблемами. Об этом свидетельствуют мои сновидения. Помню, еще до службы в армии мне приснился сон, что я прячусь от погромщиков, которые меня все же находят; основное переживание – страх. Служил я в Германии в период обострения холодной войны. Командиры настраивали нас на ядерную войну, говоря, что за неделю мы должны на танках дойти до Ла-Манша, причем будем идти через Германию, разрушенную атомной бомбардировкой. Я так уставал, что в этот период мне ничего не снилось. Но после армии начал упорно сниться сон с одним и тем же сюжетом. Я бегу домой к родителям.

Вокруг развалины, оставшиеся после атомного взрыва. Они белые и светятся от радиации. Вокруг висит страх. Сон прошел через три года. Безусловно, это была психологическая травма [\[9\]](#). Думаю, у Гефтера тоже.

Светлана Неретина, возражая К. Попперу, утверждавшему, что «не может быть никаких исторических законов», а потому подобно многим историкам, рассматривавшего историю как «интерпретацию событий», пишет, что «сама история есть этот универсальный закон мира, приведенного в сознание», что такой закон есть *«мы сами как исторические существа»* [\[6, с. 433\]](#). Я бы согласился с поправками. Интерпретация исторической событий получается в результате реконструкции истории («человек, – пишет Гефтер, – это существо, которое изобретает прошлое» [\[3\]](#)). Отсюда выросла отрасль знания, где эта творческая игра приобретает форму реконструкции прошлого. В свою очередь, реконструкция истории обусловлена «историческим способом жизни личности» и особенностью осознания прошлого, которые характерны вовсе для всех. Необходимость осознания прошлого важна для правильного понимания себя, других и мира. Подлинная история – это всегда история, имеющая начало и конец и ясная в событийном отношении. Не о том ли самом пишет Неретина, утверждая, что миф – это сказ о жизни, как она *вообще* бывает, история – сказ о том, как она бывает в конкретный промежуток времени, возникает и умирает? [\[6, с. 20-21, 441\]](#).

Говоря об «историческом образе жизни личности», я подразумеваю три момента. Во-первых, исторический образ жизни предполагает жизнь не только со своими современниками, но и с давно ушедшими людьми. Естественно не со всеми, а со значимыми для нас. Говоря жить, я имею в виду: стараться понять их поступки, включать их в свой круг (люди, мои предки), черпать от них силы или, наоборот, защищаться, предоставлять, как писал Бахтин, им голос, задавать вопросы и прочее, т.е. все, что входит в гуманитарное понимание жизни как общения и единства совместного бытия. Во-вторых, исторический образ жизни предполагает убеждение, по которому прошлая жизнь людей как-то определяет мою настоящую жизнь. Вариантов исторической детерминации, как показывают исследования, существует много: продолжающаяся во мне социальная традиция, разотождествление с ней, отрицание прошлого, переосмысление прошлой жизни, ассимиляция ее, обновление прошлого и т.д. В-третьих, оба указанные здесь момента реализуются с опорой на правильные реконструкции истории, т.е. такие, которые удовлетворяют требованию «тождества и нетождества прошлого и настоящего» [\[10\]](#).

Когда я писал свою концепцию истории, еще не читал Гефтера. Прочтя, поразились, как будто я у него учился и решаю поставленные Гефтером задачи. Исторические задачи мне ставил не Гефтер, а мой учитель Георгий Щедровицкий, понимавший историю совсем иначе. Пройдя университеты «Московского методологического кружка», и разойдясь во взглядах со своим учителем, я кардинально пересмотрел его марксистские взгляды на историю. Возьмем всего лишь одну тему, обсуждаемую и Гефтером: начала и концы разных историй, разворачивающихся в лоне исторического времени. Как такое можно помыслить, и почему это не одна история? Не буду приводить аргументы общего характера, а рассмотрю один кейс – жизнь шведского ученого, а потом христианского эзотерика первой половины XVIII столетия Эмануэля Сведенборга. Сначала факты.

Сведенборг вырос в семье Еспера Сведберга, епископа и полкового священника королевской гвардии. Естественно получил хорошее религиозное воспитание, а потом и естественнонаучное. Окончил Упсальский университет и стал известным ученым и инженером (в пятьдесят пять лет Сведенборг опубликовал двадцать пять томов

исследований по минералогии, анатомии и геометрии). Был последовательным христианином, о чем свидетельствуют записи на многих страницах его трудов.

- «1. Часто читать Слово Божье и размышлять о нем.
2. Покорять себя во всем воле Божьего промысла.
3. Соблюдать во всех поступках истинное приличие и хранить всегда безукоризненную совесть.
4. Исполнять честно и правдиво обязанности своего звания и долг службы, и стараться сделать себя во всех отношениях полезным членом общества» [\[11, с. 4\]](#).

Неожиданно Сведенборг оставляет науку и меняет образ жизни. «Этим событием, – пишет Хорхе Луис Борхес, – было откровение. Оно снизошло на Сведенборга в Лондоне; как было отмечено в его дневнике, откровению предшествовали сны... В Лондоне какой-то незнакомец шел за ним по улице и, войдя в его дом, назвал себя Иисусом Христом. Он сказал, что Церковь приходит в упадок, подобно еврейской церкви перед приходом Христа, и что Сведенборг должен обновить ее, создав третью церковь, церковь Иерусалима... Он сказал, что Сведенборгу будет позволено посетить мир иной, мир духов с бесчисленным количеством небес и адов. Он сказал, что Сведенборг должен изучить Священное Писание. И прежде чем что-нибудь написать, Сведенборг посвятил два года изучению еврейского языка, потому что он хотел читать Священные тексты в оригинале. Он снова принялся их штудировать и усмотрел в них основу для своего учения. Это немного напоминает каббалистов, которые основываются в своих поисках на Священных текстах...» [\[2, с. 521-522\]](#).

«Тайны, открываемые на следующих страницах, – пишет сам Сведенборг, – относятся к небесам и аду и к жизни человека после его смерти. Ныне человек церкви едва ли что знает о небесах и об аде и о жизни своей после смерти, хотя обо всем этом писано в Слове. Даже многие принадлежащие к церкви все это отрицают, говоря себе: кто оттол приходил и рассказывал? Но эта склонность к отрицанию, преимущественно свойственная многоученым мира сего, не заразила и не испортила простых сердцем и простой верой, мне дано было в течение 13 лет быть вместе с ангелами, говорить с ними как человеку с человеком и видеть, что происходит на небесах и в аду. В настоящее же время мне дано описать, что я видел и слышал в той надежде, что невежество просветится и неверие уничтожится. Такое непосредственное откровение совершается ныне потому, что оно то самое, которое разумеется под пришествием Господа» [\[11, с. 14\]](#).

Ферелиус, друг Сведенборга, за год до смерти спросил, не намерен ли Сведенборг «перед смертью для обнаружения истины отречься, может быть, от чего-нибудь из того, что он написал. На это Сведенборг, поднявшись с кровати и положив руку на грудь, отвечал с некоторым жаром, свидетельствуя истину всего им написанного и прибавив, что мог бы написать гораздо больше, если бы это было ему позволено». Исповедуясь, перед смертью, Сведенборг сказал: «Все мною написанное, – чистая истина... вы впоследствии с каждым днем будете более и более убеждаться в этом» [\[11, с. 13-14\]](#).

Теперь моя интерпретация. Первая история Сведенборга обычная, начинается с детства и до самой смерти, – это жизнь глубоко верующего христианина. Вторая история уже необычная, Сведенборга эзотерика. Вышел он на эзотеризм, разрешая противоречия двух картин мира – духовной, христианской и научной. Например, в его учении Бог – не Троица, а единое Существо (очевидно, с точки зрения науки, ипостаси Творца

воспринимались Сведенборгом как противоречие). Каждый человек в учении Сведенборга – бессмертный дух. В этом отношении смерти нет, а есть духовная трансформация. Так была разрешена невозможность для ученого помыслить воскрешение из мертвых. Со временем Сведенборг выходит на эзотерическую идею двух миров, подлинного, духовного и вторичного, природного.

«Словом, – пишет Сведенборг, – все, что есть в природе, от самого малого предмета и до самого большого, есть соответствие; потому что мир природный со всеми своими принадлежностями заимствует свое бытие и существование от мира духовного, а тот и другой от Божественного...Кто после этого, мысля хоть несколько по здравому рассудку, скажет, что все эти чудеса не от духовного мира, которому природный служит телесной оболочкой или для того, чтоб духовную причину представить в вещественном проявлении» [\[11, с. 54-55\]](#).

Третья история – мистическая. Она начинается с посещения Сведенборгом неба и ада, общения с ангелами, причем все это для Сведенборга реальность, в которой невозможно усомниться. «Теперь, – пишет Сведенборг, – обратимся к опыту. Что ангелы имеют человеческий образ, то есть что они такие же люди, это я видел до тысячи раз: я разговаривал с ними как человек с человеком, иногда с одним, иногда со многими вместе, и никогда я не видел, чтобы внешний образ их чем-нибудь разнился от человеческого; иногда я дивился этому; но чтобы это не было приписано обману чувств или воображению, мне дано было видеть их наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясного постижения» [\[11, с. 42\]](#).

По отношению к этим высказываниям, конечно, можно занять позицию, сформулированную И.Кантом, мол, Сведенборг фантаст и ненормальный. «Поэтому, – пишет Кант, – я нисколько не осужу читателя, если он, вместо того, чтобы считать духовидцев наполовину принадлежащими иному миру, тотчас же запишет их в кандидаты на лечение в больницы и таким образом избавит себя от всякого дальнейшего исследования...в творчестве Сведенборга я нахожу ту самую причудливую игру воображения, какую многие другие любители находили в игре природы, когда в очертаниях пятнистого мрамора им рисовалась святая семья или в сталактитовых образованиях – монахи, купели и церковные органы...Я устал приводить дикие бредни самого дурного из всех фантастов или продолжать их вплоть до описания им состояния после смерти...было бы напрасно пытаться скрыть бесплодность всего этого труда – она бросается в глаза каждому» [\[5, с. 327, 340, 347\]](#).

Однако, на мой взгляд, в данном случае неважно, существует сведенборгианский мир или его нет. Жизнь человека протекает не столько в природном окружении, сколько в семиотике и воображении. Недаром в настоящее время мы так озабочены цифровизацией и искусственным интеллектом.

Итак, три истории: каноническая христианская, эзотерическая, тоже христианская, но не каноническая, и мистическая и, действительно, в одном историческом времени новоевропейской культуры. Для меня понятно, о чем пишет Гефтер: да отдельные истории с началами (становлением) и концами (завершением).

Заключение

В данной статье я коснулся только нескольких проблем методологии истории, затронутых Гефтером. Остальные на очереди. Закончить я бы хотел следующими его высказываниями.

«История – это попытка построить человеческую жизнь, которая не может состоять из одного только сознания и мышления...История есть попытка втянуть всю жизнь в акт ее осознания и сказывания. <...>

С этой точки зрения история возникает единожды. Она однократна. Тогда можно представить, отчего она иссякает в настоящее время. Ведь то, что представлялось высшим для человека – мышление осознания, принужденное к растворению в повседневности, – неизбежно приобрело зловещие свойства. <...>

Светлана Неретина отчасти права, называя мои взгляды исторической эсхатологией, что-то в этом действительно есть. Но как бы мне при этом не оттолкнуть свою идею не конца, но исчерпания истории?» [\[3\]](#)

«Спросят: а к чему это обращение к прошлому? Отвечаю: во имя сохранения очеловеченной Земли и себя – Человеком. Сохранения, благодаря изменению, развитию, у которого главный азимут – не единство на единственной, пусть даже самой идеальной основе, а единство, проистекающее из различий, из диалога различий, из взаимного оспаривания их, как и взаимной заинтересованности в том, чтобы они были, были «вечно» и жили своей жизнью» [\[4\]](#).

Библиография

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Борхес Х.С. Думая вслух // Борхес Х.С. Собр. Соч.: В 4 т. СПб, 2005.
<http://lib.ru/BORHES/dumaya.txt>.
3. Гефтер М.Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. 2023. <https://predanie.ru/book/220783-tretego-tysyacheletiya-ne-budet-russkaya-istoriya-igry-s-chelovechestvom/#/toc3>
4. Гефтер М.Я. Сталин умер вчера // Подборка перестроечной публицистики. 2024.
yadi.sk/i/4g5q3h7ZZbv4Qg.
5. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Кант И. Собр. Соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. 511 с.
6. Неретина С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. – М.: Голос, 2018.
7. Розин В.М. Новая концепция истории: История как образ жизни личности, социальный дискурс и наука. М.: URSS, 2018. 208 с.
8. Розин В.М. Образы и парадоксы Вселенной. Прологомены к рефлексивной концепции космологии. М.: Голос, 2024. 164 с.
9. Розин В.М. Понятие и феномен травмы: биологический, психологический и социокультурный аспекты // Электронный философский журнал Vox: Электронный философский журнал Vox: <http://vox-journal.org>. Выпуск 42 (сентябрь 2023). С. 50-69.
10. Розин В.М. Дискурсы исторического познания и история как способ жизни // Электронный философский журнал Vox: <http://vox-journal.org> Выпуск 27 (декабрь 2019). С. 34-60.
11. Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. Киев: Украина, 1993. 336 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная для публикации статья написана в стиле эссе, и я невольно поддаюсь

влиянию ее автора и извиняюсь перед редакцией за некоторое нарушение рецензионного стиля. Тем более, что предмет статьи очевиден из ее названия, а метод сам по себе является ее главной темой

Для меня размышления автора статьи стали таким же неожиданным открытием, каким для него самого стали сочинения М. Гефтера. Я тоже могу констатировать, что интересующая автора тема очень близка мне последние десятилетия. Главную мысль статьи, как мне кажется, вполне передают две фразы: «Человек – это существо, которое изобретает прошлое» (Гефтер) и «Жизнь человека протекает не столько в природном окружении, сколько в семиотике и воображении» (автор статьи). Чтобы несколько сбить пафос, приведу в чем-то близкое этим фразам, но более скептическое утверждение П. Валери: «Жизнь являет собой необыкновенно реальное сочетание элементов, одни из которых никчемны, другие — иллюзорны».

У меня вызвало некоторое сожаление, что автор даже не упоминает о различных направлениях так называемого «методологического нарративизма», которые сложились в различных областях знания. «Методологический нарративизм» – это убеждение, что характер тех или иных теоретических дисциплин зависит от того, как выстраивается повествование о событиях. Наверное, наиболее востребованным нарративизм оказался в описании методов как раз исторической науки (Х. Уайт, Ф. Анкерсмит и др.). Параллельно этот же подход проявился в исследованиях оснований морали А. Макинтайра, а еще раньше в герменевтике «позднего» П. Рикёра. Позднее к нарративизму стали прибегать в психотерапевтической практике, например, М. Уайт, Д. Эпстон и др. Пожалуй, можно даже утверждать, что нечто подобное складывается и в естественных науках. Общим местом для всех этих подходов является утверждение А. Макинтайра: «Человек в своих действиях на практике и в своих вымыслах представляет животное, которое повествует истории», вполне коррелирующее с процитированным выше утверждением автора статьи. А вне таких историй т. н. «реальная жизнь» состоит из отдельных событий и действий, которые никуда не ведут, не обладают никаким порядком и никак не связаны друг с другом. В таком виде «реальная жизнь», говоря словами героя романа Сартра «Тошнота», вообще непостижима.

К сожалению, все эти подходы существуют пока независимо друг от друга, хотя, на мой взгляд, могли бы сложиться в некую единую «философия нарратива».

Впрочем, если автор статьи стал бы упоминать различные нарративные методы, то это увело бы читателей от главной темы статьи: исторической методологии М. Гефтера. Кроме того, отсутствие подобных упоминаний с лихвой компенсируются интересными рассуждениями о Сведенборге.

Таким образом я считаю, что статья отвечает всем самым высоким научным требованиям. Статья ярко и убедительно написана, и может быть опубликована в журнале без каких-либо добавлений.